
ФИЛОСОФИЯ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПРАВО

УДК 130+57.062

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ МЫШЛЕНИЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

Г.М. Васильева

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: vasileva_g.m@mail.ru

Речь идет о том, как в «Морфологии сказки» Проппа таксономический принцип построений вступает в спор с органической теорией структуры. Исследования И.В. Гёте, Ж.Б. Робине, А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа посвящены структурной типологии. По своей направленности они являются когнитивными. Данный материал позволяет обсуждать вопросы гуманитарного знания: соотношение языка и онтологической реальности, пределы исторического подхода к культуре, способы возникновения в ней смысла, позиция познающего по отношению к познаваемому предмету, философская интерпретация современной логики.

Ключевые слова: морфология, классификация, концептуальные дефициты, когнитивная парадигма знания.

COGNITIVE MODEL OF THINKING AND MORPHOLOGICAL POETICS

G.M. Vasilyeva

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: vasileva_g.m@mail.ru

What is meant here is how the taxonomical principle of constructions gets into an argument with the organic theory of structure in «Morphology of the Folktale» by Propp. The research conducted by I.W. Goethe, J.B. Robinet, A.N. Veselovskiy, V.J. Propp is devoted to the structural typology. This research has a cognitive orientation. It allows to discuss the humanities issues such as the correlation of language and ontological reality, the limits of the historic approach to culture, ways of meaning formation in it, the position taken by the cognoscitive in relation to the cognizable object, philosophical interpretation of modern logic.

Key words: morphology, classification, conceptual deficit, cognitive paradigm of knowledge.

Ни разу властью схем
Я близких не обидел.

*Б. Пастернак.
За прошлого порог.*

Осмысление данной темы возможно в рамках междисциплинарного движения, получившего название когнитивной науки. В поэтической морфологии решаются такие вопросы, как статус интенциональности, отношение норм и причинных зависимостей при освоении материала, классифицирование (распределение по группам, типам). В познавательных процессах используются вычислительные процедуры. Знание моделируется в тексте, обретая схематическую форму. Затем осуществляется переход от схемы к художественному, поэтическому образу. Необходимо формирование схемы и преодоление. Создатель схемы потенциально должен допускать выход за ее пределы.

Понятие «морфология» употребляется в самых разных философских и научных концепциях. Оно отражается по «частям», и для его реконструкции необходимо множество текстов. Например, входит в широкий лингво-психологический контекст (со своим репертуаром ожиданий, конвенций). Морфологический подход характерен для всей истории науки. Аристотель в «Физике» («Φυσικὴ ἀκρόασις») характеризует форму, органическую упорядоченность с помощью трех понятий: *morphé* (μορφή), *eidos* (εἶδος) и *ousia* (οὐσία). Для древних числовые структуры были эстетическими категориями («*musica est scientia numeris*»). «*Morphé*» – это схема, внешняя физическая форма объекта. Сравнение органической природы и художественного произведения является одним из элементов поэтической морфологии.

С эпохи Ренессанса естественные и гуманитарные науки – две интеллектуальные сферы, противопоставление которых невозможно. Например, А. Шлейхер писал о включении языкознания в корпус естественных наук [21, с. 5]. Гельмгольц утверждал их взаимную связь «под общим названием *Universitas litterarum*». «Соединение всех наук, можно сказать, необходимо для сохранения здорового равновесия духовных сил»¹ [6, с. 3, 12]. При этом он выделял естественные науки: «...ни в какой области знания ошибка в сочетании мыслей не обнаруживается так легко в ложности результатов, как в области естественной науки, где мы большею частью в состоянии непосредственно сравнивать результаты работы мысли с действительностью» [6, с. 27].

В.Я. Пропп в «Морфологии сказки» (1928) обращается к традиционно-этнологическому наследию². Он дает строгую формализованную интерпретацию материала. В этой книге уже предвосхищены приемы моделирования, возможность применять математические вычисления. Искусство понимается как некая знаковая система. Поэтому в области гуманитарных наук необходимо искать точные методы [12, с. 132, 134]. Ученый старается представить исследуемое явление как измеряемую величину, назначить ему

¹ В тексте статьи сохранены особенности словоупотребления и пунктуация.

² «Морфология сказки» вышла в очередном выпуске серии «Вопросы поэтики» в 1928 г. Но заметка о работе появилась уже в «Обзоре работ Сказочной Комиссии Географического Общества» за 1926 г. [15, с. 4; 10, с. 153].

место в системе. Наклонность систематизировать удовлетворяется науками, в которые не входит «бессвязное» начало, – в частности, биологией. «Я неправильно выбрал свою специальность. Мне следовало бы стать биологом. Я люблю все классифицировать и систематизировать» [9, с. 22].

Гуманитарные предпочтения ученого находились под властью естественных наук. Пропп полагает: рассматривать формы сказки можно с такой же точностью, как и морфологию органических образований. Он ставит «общеморфологические цели», задачи структурно-морфологического изучения [14, с. 66]. Пропп считал, что «изучение сказки во многих отношениях может быть сопоставимо с изучением органических образований в природе. Как натуралист, так и фольклорист имеет дело с разновидностями одинаковых по сущности явлений» [12, с. 153]. Он видит сходство теории самостоятельного зарождения видов и теории происхождения путем метаморфоз, трансформаций. Но есть отличие. В царстве органики изменение одной части или одного признака влечет за собой изменение другого. В сказке подобные зависимости не являются обязательными.

Метод Проппа заключается в том, чтобы подчинить исторический подход структурному подходу, содержание мотивов свести к формальным чертам. Ученый называет классификацию «одной из первых и важнейших ступеней изучения». На высокой степени отвлеченности мысль, чтобы вполне отрешиться от чувственности, ищет внешнюю опору в систематизации. Он приводит только один пример безупречной эмпирической классификации, полезной в качестве научного вспомогательного средства, технического справочника. Напоминает, «какое важное значение для ботаники имела первая научная классификация Линнея. Наша наука находится еще в долиннеевском периоде» [14, с. 14]. Русский ученый не нашел здесь примеры ошибочного деления по признакам, которые исключают друг друга. Пропп отмечает, как продуманно и тщательно разработана система распределения по классам, семействам, родам, разрядам, видам, разновидностям. «В классификациях наук о природе нет и не может быть логических ошибок» [12, с. 45].

Линней подчеркивал роль правил, категорий и разного рода конвенций. Они одновременно являются основой общения и средством контроля. Движение к аналитическим категориям происходит с помощью методических уточнений. Учение Линнея уникально непреклонной жесткостью своей конфигурации. Такого рода теория может быть проверена при помощи процедур верификации. Отвлеченная наука является несомненной в своих положениях и менее всего допускает возможность личного взгляда. Естественным наукам вверяется чувственная очевидность, при этом процедуру анализа можно контролировать. Высказывания определяются как истинные или ложные. Возникает атмосфера спокойной беспристрастности.

К исходным концепциям поэтической морфологии относится несколько трудов. В 1928 г. В.М. Жирмунский публикует сборник. В нем объединены статьи авторов, которые изучают литературную форму. В предисловии составитель отмечает, что хочет ознакомить читателей «с наиболее характерными образами применения художественно-исторического метода в немецкой науке» [11, с. XIV]. Так, книга В. Дибелиуса «Искусство романа в Англии» («Englische Romankunst», 1910) является опытом систематического исследования морфологической эволюции литературного жанра на про-

тяжении XVIII–первой половины XIX в. Дибелиус дает систематическую классификацию структурных элементов романа. Данная классификация положена им в основу описания художественной техники отдельных романистов. Дибелиус исследует «распределение ролей», «создает руководящую схему», выделяет «конструктивные мотивы», «сюжетные мотивы (или просто мотивы)» [7, с. 116–117, 132–133].

А.Н. Веселовский представил теорию самозарождения сказочных сюжетов. Европейски ориентированный ученый, он, по словам В.Ф. Шишмарева, обладал «огромными комбинаторными способностями». И применил к самому разнообразному материалу «строго минуциозный анализ химика или натуралиста» [18, с. 285, 299]. В параграфе «Сказочные схемы» Веселовский замечает: «Было бы интересно сделать морфологию сказки и проследить ее развитие от простейших сказочных моментов до их наиболее сложной комбинации». И далее: «...вопрос сводится к необходимости построить морфологию сказки, чего пока еще никто не сделал» [5, с. 455, 459]. Веселовский называет время «великим упростителем». Оно сокращает сложные феномены, схематизирует их, обнажает в их «повторимости». В повествовательной литературе «явления схематизма и повторяемости водворятся на всем протяжении». Ключевыми в творчестве Веселовского становятся понятия «схематические схемы», «словарь типических схем и положений, к которым фантазия привыкла обращаться для выражения того или другого содержания» [5, с. 494, 497, 499]. Говоря об «унаследованных сюжетах», он ссылается на высказывание Гёте от 18 сентября 1823 г. «Гёте советовал Эккерману обращаться к сюжетам, уже питавшим воображение художника; сколько писали Ифигению, и все различны, потому что каждый смотрел по-своему» [5, с. 496]. Веселовский был ортодоксальным приверженцем естественных наук, их точных методов. На его взгляд, сравнительное языкознание более всего приблизилось к этим наукам – в общем восприятии, в точности методов.

Линней волшебной сказки, В.Я. Пропп сближает филологию и биологию: от исследований в биологии ожидают новых открытий в области культуры. Биология – наука, совершенная по форме, – часто воплощает сложные построения при помощи знаков и схем. По сути, ставится вопрос, насколько область языка совпадает с областью мысли. Внешние проявления неисчислимы, но основные компоненты составляют конечное число. Развитие связано с функциональными оппозициями. Пропп обозначает единицу основного действия понятием «ход». Ходы соединяются по определенным правилам («способ соединения ходов») [14, с. 70]. Ученый предлагает схему этого соединения. Она включает «сцепление» (простое следование), «перестановку», прерывание ходов, их взаимоналожение и т.д. Пропп не отвечает на вопрос, при каких условиях несколько «ходов» соединяются в одну сказку. Он вынужден признать, что это соединение не объясняется последовательностью функций. Сказочник – в своей спонтанной деятельности – творит сюжет, новые вариации и комбинации; следует структурным закономерностям и не меняет канон. Пропп вводит также «приемы связывания»: они или соединяют функции, или мотивируют эти соединения. Последовательность событий имеет ограниченные возможности вариаций. Ученый выделяет 150 элементов (составляющих частей) сказки. «Пять раз-

рядов элементов» определяют собой «не только конструкцию сказки, но и всю сказку в целом» [14, с. 73]. Принцип конечного числа Пропп прилагает к действующим лицам (сократил до семи ролей). Исходя из функций, исследователь определил сферы действия персонажей. В Приложении он приводит материалы «для табулатуры сказок» [14, с. 91]. Пропп исследует инварианты: те логические законы, которые воплощаются в сюжетных функциях. Их невозможно разложить на составляющие. Различные элементы соотносятся, сравниваются между собой, сводятся в единую систему органичных связей. Возникает автономная целостность внутренних зависимостей. Эта связность обнаруживается при изучении изменений системы: в различных содержаниях проявляются общие черты. Единомышленник Проппа А.И. Никифоров отмечал: «...для морфологического анализа выдвигается метод сближения разных, далеких друг от друга, мало схожих сюжетов, с целью обнаружения общих конструктивно творческих основ в их сложении и бытовании»³ [10, с. 174]. Движение сюжета созидает ценность конкретной, отдельно взятой сказки. Кодификация повествовательных ходов может быть распространена и на сложные, большие повествования.

Несмотря на всю акрибию проделанной филологической работы, Пропп испытывает неудовлетворенность. Неполное понятие может стать готовой нормой, с которой сообразуется все, что будет отнесено к ней впоследствии. Тем более трудно уловить связь в стройной упорядоченной системе языка. Она очевидна лишь в немногих случаях. Законы создания определены, объем остается неопределенным. Например, число функций – 31 – сопоставимо с числом фонем в фонологической системе. Языковедение идет от изучения чередования звуков. Фонема имеет не только физиологический и акустический смысл. Эта часть языка служит для различения слов и форм. В каждом языке имеется определенное число фонем. Смыслоразличительные признаки поддаются точному учету. На основе фонем происходит формирование различий и оппозиций. Фонемы устанавливают границы, благодаря которым звукоряд указывает на означаемое. Нарушение границ приводит к изменению смысла либо к его утрате. Фонетика не является неподвижной и неизменной системой. К тому же человек придает звукам индивидуальную окраску⁴ [20, с. 350]. В слове совершается второе представление (значение), *potio secunda*. Мысль перестает быть собственностью самого говорящего. Она обретает возможность самостоятельной жизни по отношению к своему создателю. Пропп подчеркивает: порывы мысли бессильны перед сложностями классификации. Трудно установить законы в мире чудес. «Лабиринт сказочного многообразия» в итоге предстанет перед любителем сказки как «чудесное единообразие» [14, с. 6]. И даже как «бледная, сухая схема, которая в сказке облечена в богатый наряд всяких чрезвычайно красочных деталей и аксессуаров» [14, с. 146]. Он пишет: «...применение точных методов только тогда даст положительные результаты, если изучение по-

³ А.И. Никифоров занимался близкими научными изысканиями. Принципы структурно морфологического изучения сказки он обосновал раньше Проппа. В.Я. Пропп подготовил к изданию его «Севернорусские сказки» и написал предисловие [15, с. 15–45].

⁴ Ж. Вандриес ввел термин «комбинаторные фонетические изменения» [4, с. 47, 64]. Они противопоставляются «правильным фонетическим изменениям». О механизме фонетических комбинаторных и некомбинаторных изменений писал также А. Мартине [8, с. 228–235].

вторимости будет сочетаться с изучением единственности, перед которым пока мы стоим как перед проявлением непостижимого чуда» [12, с. 152] .

В «Морфологии сказки» сосуществуют две концепции порядка. Таксономический принцип построений в учении Линнея вступает в спор с органической, телеологической теорией структуры. Таксономия, в отличие от типологии, претендует на исчерпывающую завершенность. Функциональная модель В.Я. Проппа сопротивляется таксономическому принципу. На биологические условия влияют различные причины. И они ускользают от власти человека. Равно как анализ литературы, культуры не следует по равномерно восходящей «кривой» кумулятивных разысканий. Он подобен, на первый взгляд, дискретной, но тем не менее связанной последовательности поисков. Развитие в науке состоит в усложнении: то, что сначала казалось выстроенным рядом умозаключений, затем представляется упрощением. Восполнение этих концептуальных дефицитов остается задачей, которую необходимо решать.

Пропп называет себя «неподкупным» эмпириком-философом: он изучает ряды фактов, их связи. Ученый признается, что в результате «получилась картина удивительной закономерности» [12, с. 142]. Раскрытие явлений предполагает философские размышления. Эти раздумья скрыты в пяти эпиграфах. Они взяты из дневников Гёте, из ряда его трудов по ботанике и остеологии, объединенных под заглавием «Морфология». Сентенции поэта остаются без объяснений, не комментируются по ходу анализа. Например, главе VIII («Об атрибутах действующих лиц и их значений») предпосланы слова Гёте «Учение о формах есть учение о превращениях»; главе IX («Сказка как целое») – фраза о перворащении, *Urpflanze*. Пропп жил в стихии немецкого языка. Он преподавал язык в Ленинградском университете. Вел спецсеминар по «Фаусту»: «Когда мы медленно читали, разбирали и обсуждали это глубинное произведение» [13, с. 10]. В 1927 г. ученый подготовил немецкий перевод «Морфологии сказки» (в сокращенном варианте) для публикации в финской серии «Folclore Fellow Communications». Эпиграфы – не только «знак преклонения» перед Гёте [12, с. 133, 134]. Они выражают единство двух сфер – природы и человеческого творчества⁵. Пропп признавался, что определение «морфологии» заимствовал у Гёте. Ученый столкнулся с разнообразием позиций, обуславливающих употребление этого понятия. Но именно в сочинениях Гёте теоретическая проблема становилась внутренним переживанием. «За этим термином у Гёте раскрывается перспектива в распознавании закономерностей, которые пронизывают природу вообще». И далее: «...старейший Гёте, вооруженный методом точных сравнений в области естествознания, видит сквозь единичное – пронизывающее всю природу великое общее и целое» [12, с. 134]. Пропп не прибегает к этимологическим изысканиям, ухищрениям, чтобы достичь более глубокого толкования. Лексикографическое представление не исчерпывает концептуальную структуру понятия. С одной стороны, точное использование термина означает редукцию: он не является конечным и фиксированным. С другой стороны, употреблять его как образ – значит превращать в мета-

⁵ «Но нет двух Гёте — поэта и ученого; Гёте “Фауста”, стремящийся к познанию, и Гёте — естествовед, пришедший к познанию, есть один и тот же Гёте» [12, с. 134].

фору. При исследовании словоупотреблений важна не только частотность повторения, но семантическая направленность высказываний (латентная интенция). Ученый вкладывал в понятие «морфология» научный, философский и поэтический смысл [12, с. 141]. В языковом мышлении Проппа слова «трансформация», «органический», «превращение» становятся основой культурной динамики. Они предстают одновременно как основополагающие термины и эмфатические ключевые метафоры.

В морфологии Гёте структурно-органический, образно-семантический творческий принцип называется «innere Form». «Эндон-эйдос» (др.-греч. εὐδον-εἶδος) Плотина он перевел как «внутреннюю форму», «внутренний закон художественного произведения» [3, с. 80, 81]. «Внутренняя форма» рассматривается Гёте в разных аспектах: структура универсально-смысловая, историческая, личная. Интерпретируется эстетически, психологически, нозтически-экзистенциально [22, с. 150–151].

По замечанию Проппа, труды такого рода можно рекомендовать структуралистам. Ж. Б. Робине, Гердер, Гёте развивали концепцию единого прототипа – Urbild. Они выдвигали на первый план принцип непрерывности. В эволюционной биологии утверждалось, что онтогенез отдельного живого существа повторяет филогенетическую эволюцию живого мира. Все элементы обладают сущностной общностью качеств и отличаются друг от друга степенью сложности. Морфология отражает деятельность формирования-трансформации, которая осуществляется в живых организмах (Bildung-Umbildung). В творчестве Гёте прафеномен не является эмпирическим понятием, позволяющим выстроить фактическую историю предмета. Гёте говорил о чистом феномене как о теоретической установке. Прафеномен нельзя созерцать в единичном феномене. Это значило бы увидеть связность и непрерывность явлений при их рождении, постичь всю феноменальную полноту мира. Жизнь восходит к уровню произведения благодаря искусству. Оно «обкрадывает» природу, происходит созидание возвышенной иллюзии. Свои сочинения Гёте воспринимает как нити, называемые ткачами «основой». Картина мотивов образует не структуру, четкую и намеренно созданную, но ассоциативную сеть, ткань⁶. Общая схема его сочинений напоминает человеческий (природный) организм, который служит примером выверенной системы, со своими видимыми и невидимыми органами⁷.

⁶ Об этом, в частности, писал Г. Гельмгольц: «Въ своихъ морфологическихъ занятіяхъ Гёте играетъ такую же роль, какъ зритель трагедіи съ артистической натурой, который тонко чувствуетъ верное распределеніе, связь и взаимодействие отдельныхъ явленій, общій господствующій планъ произведенія, и живо наслаждается всемъ этимъ, не будучи однако въ состояніи логически развить руководную идею творенія. Это последнее дело предстоить уже научной критике художественнаго произведенія, а описанный нами зритель, – подобно Гёте относительно природы, – можетъ быть, не особенный приверженецъ такого разъчлененія произведенія, которое доставляетъ ему наслажденіе, потому что онъ – хотя несправедливо – боится, что оно можетъ уничтожить его наслажденіе» [6, с. 56].

⁷ О. Вальцель, который и сам стремился «к высшей математике формы», отмечал: «"Стилем" же было для него также оформление, которое с необходимостью соответствует содержанию, превращая при этом внутреннюю закономерность содержимого в закон оформления. Также, как в природе внешний облик организма определяется его внутренним законом. Так, внешний вид дерева обусловлен его внутренним законом. И, действительно, Гёте с самого начала пользуется символом дерева, чтобы облегчить понимание своей органической эстетики» [2, с. 5, 29].

Таким образом, на классификационных «полочках» книги Проппа возникает «беспорядок». Конечно, функции могут быть определены независимо от персонажей, выполняющих действия. Но они соотносятся с интригой как динамическим единством. В испытании, поиске случайным является переход от требования к согласию, от состязания к удаче. Испытание персонажа представляет собой проявление свободы. Поэтому следование событий нельзя свести к импликации (если...то). И тогда отношение становится проблемой: оно проводит границу и вынуждает ее разрушать, соединяет и разделяет. В работе Проппа имплицитно противопоставлено научное видение мира, соответствующее таксономическим (классифицирующим) предикатам, и художественное видение. В таксономическом дискурсе, восприятии от Линнея, проявляется органическое мышление.

В сочинении Проппа заключен потенциал *non-finito*. В этом смысле его можно считать незавершенным, что способствует развитию возможностей толкования. В статье «Трансформации волшебных сказок» (1928) ученый расширил свою модель, которая была редуцирована в «Морфологии сказки» к имманентным параметрам текста. Он обратился к причинам трансформации, т.е. эволюционных вариаций структуры сказки в диахроническом процессе. Ученый понимает необходимость рассматривать сказку в том «окружении», в котором она создавалась. В его поле зрения попадают религиозные, ритуальные «бытовые» функции сказки. Он составил каталог трансформаций. Сказка в своей эволюции претерпевает функциональные преобразования (редукция, амплификация, интенсификация/ослабление, замена, ассимиляция). Позже филолог признавался, что – вместо «морфологии» – следовало взять более узкое понятие «композиция» [12, с. 141]. Повторяемость сюжетов и мотивов свидетельствует о так называемых «вечных потребностях» человека. Энергичный потенциал содержится не только в явлениях и предметах сказки (крылатые кони, волшебные дудочки, шапка-невидимка). Он заключен в новом восприятии длительности, в мгновенных переносах, превращениях, в омолаживании героев. В сказке воплощены виды избытка и недостачи: либо вредитель должен быть побежден, либо недостача должна быть устранена с помощью решения задач.

В.Н. Перетц считал работу Проппа развитием идей Гёте, наряду с идеями А.Н. Веселовского и «почасти Ж. Бедье». Он подводит итог (цитата понятна без затруднений, по сходству с русским языком). «Загальний наш висновок про В.Я. Проппову книгу буде такий. Він поглибив ці ідеї й дав їм нову цілком самостійну інтерпретацію на основі своє рідного способу визначати казки, починаючи з їхньої морфології; способу того перед ним ніхто не вживав» [1, с. 195]. Перетц определяет развитие Веселовского и Проппа как путь от истории культуры к истории поэтической формы.

В.П. Руднев, опираясь на идеи Проппа, выделил триады модальностей, которые лежат в основе образования сюжетной линии [16, с. 175]. Например, пространственные измерения: здесь-там-нигде; аксиологические: «ценное–безразличное–неценное». Алетические модальности основаны на соотношении «необходимо–возможно–невозможно». Деонтические указывают на иерархию «должное–разрешительное–запрещенное». Эпистемические концентрируются вокруг структуры «знание–полагание–неведение». Крайние члены триады модальностей – «нигде–будущее–неценное–невоз-

можное–запрещенное–неведение» – указывают на претерпевания в жизни. Они уравниваются начальными возможностями: «здесь–ценное–необходимое–должное–знание» [16, с. 297–298].

У. Эко упоминает о Проппе в книге «Отсутствующая структура. Введение в семиологию» («La struttura assente», 1968). Он ставит имя Проппа в один ряд с такими учеными, как Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс, Л. Ельмслев. Мыслители «вырабатывают метод, который пытается предстать как единый, и это и есть структурализм» [19, с. 273]. Исследователь отмечает, что Пропп находился за пределами собственно структуралистских исследований. Он далек от лингвистического представления о структуре, в его структурной типологии оппозиции не играют той роли, которой они наделены в лингвистической структуре [18, с. 277–278].

По своему духу и ориентации данные исследования связаны с поиском когнитивных параметров смыслообразования. Этот теоретический инструмент используется в науках когнитивного цикла – в биолингвистике, лингвокогнитологии, в истории философии (биогенетическое направление). Без него трудно представить экспериментальную фонетику, фонологию (генеративную, диахроническую, нелинейную). Материал позволяет обсуждать вопросы гуманитарного знания: соотношение языка и онтологической реальности, пределы исторического подхода к культуре, способы возникновения в ней смысла, позиция познающего по отношению к познаваемому предмету, философская интерпретация современной логики, категоризация опыта человека.

Литература

1. Акад. Володимир Перетц. Нова метода вивчати казки // Етнографічний вісник / За головним редагуванням акад. Андрія Лободи у Києві. З друкарни Всеукраїнської Академії Наук. Київ, 1930. Кн. 9. С. 187–195.
2. Вальцель О. Сущность поэтического произведения. [Das Wesen des dichterischen Kunstwerks (O. Walzel. Das Wortkunstwerk. Leipzig, 1926)] // Проблемы литературной формы: сб. ст. О. Вальцеля, В. Дибелиуса, К. Фосслера, Шпитцера / пер. с нем. М.Л. Троцкой; под ред. и с предисл. В.М. Жирмунского. Л.: Academia, 1928. С. 1–35.
3. Вальцель О. Художественная форма в произведениях Гёте и немецких романтиков. [Künstlerische Form des jungen Goethe und der Deutscher Romantik (O. Walzel. Vom Geistesleben alter und neuer Zeit. Leipzig, 1922)] // Проблемы литературной формы: сб. ст. О. Вальцеля, В. Дибелиуса, К. Фосслера, Шпитцера / пер. с нем. М.Л. Троцкой; под ред. и с предисл. В.М. Жирмунского. Л.: Academia, 1928. С. 70–104.
4. Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю) / пер. с фр., примеч. П.С. Кузнецова; ред. и предисл. Р.О. Шор. Изд. 3-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 408 с. (Серия: Лингвистическое наследие XX века).
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и примеч. В.М. Жирмунского. Изд. 4-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 648 с.
6. Гельмгольц Г. Обь отношеніи естествознанія къ системе наукъ вообще. Речь, читанная въ Гейдельбергскомъ университете 22 ноября 1862 г. // Популярныя научныя статьи Г. Гельмгольца. Орд. профессора физиологіи при Гейдельбергскомъ университете. Вып. первый съ 26 рисунками въ тексте. С. Петербургъ: Изданіе О.И. Бакста, 1866. С. 1–56.
7. Дибелиус В. Морфология романа [Englische Romankunst. Berlin, 1910. Bd. 1. Einleitung] // Проблемы литературной формы: сб. ст. О. Вальцеля, В. Дибелиуса,

- К. Фосслера, Шпитцера / пер. Г.А. Гуковского; под ред. и с предисл. В.М. Жирмунского. Л.: Academia, 1928. С. 105–134.
8. *Мартине А.* Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии / пер. с фр. В.В. Шеворошкина; под ред. и со вступ. ст. В.А. Звегинцева. Изд. 2-е. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
 9. *Мартынова А.Н.* Из воспоминаний о В.Я. Проппе // Живая старина. № 3 (7). М., 1995. С. 21–22.
 10. *Никифоров А.И.* К вопросу о морфологическом изучении народной сказки: сб. статей в честь академика А.И. Соболевского. Л.: Отд. рус. яз. и словесности АН СССР, 1928. С. 172–178.
 11. Проблемы литературной формы: сб. ст. О. Вальцеля, В. Дибелиуса, К. Фосслера, Шпитцера / под ред. и с предисл. В.М. Жирмунского. Л.: Academia, 1928. 224 с.
 12. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи / сост., ред., предисл. и примеч. Б.Н. Путилова. М.: Наука, 1976. 326 с. (Серия: Исследования по фольклору и мифологии Востока).
 13. *Пропп В.Я.* Речь на юбилее весной 1965 года / подгот. к публ. А.Н. Мартыновой // Живая старина. 1995. № 3 (7). С. 9–10.
 14. *Пропп В.Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я. Проппа) / коммент. Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой; сост., науч. ред., текстологич. коммент. И.В. Пешкова. М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. 512 с.
 15. *Пропп В.Я.* А.И. Никифоров и его «Севернорусские сказки» // Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова / подгот. к изд. и вступ. ст. В.Я. Проппа. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2008. С. 4–45.
 16. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1997. 381 с.
 17. Сказочная комиссия в 1926 г.: обзор работ / под ред. председателя Комиссии акад. С.Ф. Ольденбурга. Л.: Изд. Гос. Рус. Географ. Общества, 1927. 72 с.
 18. *Шишмарев В.Ф.* Александр Николаевич Веселовский // Избр. статьи. История итальянской литературы и итальянского языка / отв. ред. тома А.А. Касаткин. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1972. С. 284–335.
 19. *Эко У.* Отсутствующая структура: Введ. в семиологию / пер. с фр. А.Г. Погоняйло, В.Г. Резник; ред. М.Г. Ермакова. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
 20. *Robins R.H.* General Linguistics: An Introductory Survey. London: Longmans' Linguistics Library, 1989. 390 p.
 21. *Schleicher A.* Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft: Offenes Sendschreiben an Herrn Dr. Ernst Haeckel. 2 Aufl. Weimar: Hermann Böhlau, 1873. 350 p.
 22. *Walzel O.* Gehalt und Gestalt im Kunstwerk des Dichters: Handbuch der Literaturwissenschaft. Potsdam: Athenaion, 1923. 180 p.

Bibliography

1. Akad. Volodimir Peretc. Nova metoda vivchati kazki // Etnografichnij visnik / Za golovnim redaguvannjam akad. Andrija Lobodi u Kiïvi. Z drukarni Vseukraïns'koï Akademii Nauk. Kiev, 1930. Kn. 9. P. 187–195.
2. *Val'cel' O.* Sushhnost' poeticheskogo proizvedenija. [Das Wesen des dichterischen Kunstwerks (O. Walzel. Das Wortkunstwerk. Leipzig, 1926)] // Problemy literaturnoj formy: sb. st. O. Val'celja, V. Dibeliusa, K. Fosslera, Shpitcera / per. s nem. M.L. Trockoj; pod red. i s predisl. V.M. Zhirmunskogo. L.: Academia, 1928. P. 1–35.
3. *Val'cel' O.* Hudozhestvennaja forma v proizvedenijah Gjote i nemeckih romantikov. [Künstlerische Form des jungen Goethe und der Deutscher Romantik (O. Walzel. Vom Geistesleben alter und neuer Zeit. Leipzig, 1922)] // Problemy literaturnoj formy: sb. st. O. Val'celja, V. Dibeliusa, K. Fosslera, Shpitcera / per. s nem. M.L. Trockoj; pod red. i s predisl. V.M. Zhirmunskogo. L.: Academia, 1928. P. 70–104.

4. *Vandries Zh.* Jazyk (lingvisticheskoe vvedenie v istoriju) / per. s fr., primech. P.S. Kuznecova; red. i predisl. R.O. Shor. Izd. 3-e, stereotipn. M.: Jeditorial URSS, 2004. 408 s. (Serija: Lingvisticheskoe nasledie HH veka).
5. *Veselovskij A.N.* Istoricheskaja pojetika / red., vstup. st. i primech. V.M. Zhirmunskogo. Izd. 4-e. M.: Izd-vo LKI, 2010. 648 p.
6. *Gel'mgol'c# G.* Ob# otnoshenii estestvoznaniya k# sisteme nauk# voobshhe. Rech', chitannaja v# Gejdel'bergskom# universitete 22 nojabrja 1862 g. // Populjarnyja nauchnyja stat'i G. Gel'mgol'ca. Ord. professora fiziologii pri Gejdel'bergskom# universitete. Vyp. pervyj s# 26 risunkami v# tekste. S. Peterburg#: Izdanie O. I. Baksta, 1866. P. 1–56.
7. *Dibelius V.* Morfologija romana [Englische Romankunst. Berlin, 1910. Bd. 1. Einleitung] // Problemy literaturnoj formy: sb. st. O. Val'celja, V. Dibeliusa, K. Fosslera, Shpitcera / per. G.A. Gukovskogo; pod red. i s predisl. V.M. Zhirmunskogo. L.: Academia, 1928. P. 105–134.
8. *Martine A.* Mehanizmy foneticheskikh izmenenij: Problemy diahronicheskoy fonologii / per. s fr. V.V. Shevoroshkina; pod red. i so vstup. st. V.A. Zveginceva. Izd. 2-e. M.: KomKniga, 2006. 264 p.
9. *Martynova A.N.* Iz vospominanij o V.Ja. Proppe // Zhivaja starina. № 3 (7). M., 1995. P. 21–22.
10. *Nikiforov A.I.* K voprosu o morfologicheskom izuchenii narodnoj skazki: sb. statej v chest' akademika A.I. Sobolevskogo. L.: Otd. rus. jaz. i slovesnosti AN SSSR, 1928. P. 172–178.
11. Problemy literaturnoj formy: sb. st. O. Val'celja, V. Dibeliusa, K. Fosslera, Shpitcera / pod red. i s predisl. V.M. Zhirmunskogo. L.: Academia, 1928. 224 p.
12. *Propp V.Ja.* Fol'klor i dejstvitel'nost'. Izbrannye stat'i / sost., red., predisl. i primech. B.N. Putilova. M.: Nauka, 1976. 326 p. (Serija: Issledovanija po fol'kloru i mifologii Vostoka).
13. *Propp V.Ja.* Rech' na jubilee vesnoj 1965 goda / podgot. k publ. A.N. Martynovoj // Zhivaja starina. 1995. № 3 (7). P. 9–10.
14. *Propp V.Ja.* Morfologija <volshebnoj> skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. (Sobranie trudov V.Ja. Proppa) / komment. E.M. Meletinskogo, A.V. Rafevoj; sost., nauch. red., tekstologich. komment. I.V. Peshkova. M.: Izd-vo «Labirint», 1998. 512 p.
15. *Propp V.Ja.* A.I. Nikiforov i ego «Severnorusskie skazki» // Severnorusskie skazki v zapisjah A.I. Nikiforova / podgot. k izd. i vstup. st. V.Ja. Proppa. M.: Fond podderzhki jekonomicheskogo razvitija stran SNG, 2008. P. 4–45.
16. *Rudnev V.P.* Slovar' kul'tury XX veka: kljuchevyje ponjatija i teksty. M.: Agraf, 1997. 381 p.
17. Skazochnaja komissija v 1926 g.: obzor rabot / pod red. predsedatelja Komissii akad. S.F. Ol'denburga. L.: Izd. Gos. Rus. Geograf. Obshhestva, 1927. 72 p.
18. *Shishmarev V.F.* Aleksandr Nikolaevich Veselovskij // Izbr. stat'i. Istorija ital'janskoj literatury i ital'janskogo jazyka / otv. red. toma A.A. Kasatkin. L.: Nauka. Leningr. otd-e, 1972. P. 284–335.
19. *Jeko U.* Otsutstvujushhaja struktura: Vved. v semiologiju / per. s fr. A.G. Pogonjajlo, V.G. Reznik; red. M.G. Ermakova. SPb.: TOO TK «Petropolis», 1998. 432 p.
20. *Robins R.H.* General Linguistics: An Introductory Survey. London: Longmans' Linguistics Library, 1989. 390 p.
21. *Schleicher A.* Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft: Öffentliches Sendschreiben an Herrn Dr. Ernst Haeckel. 2 Aufl. Weimar: Hermann Böhlau, 1873. 350 p.
22. *Walzel O.* Gehalt und Gestalt im Kunstwerk des Dichters: Handbuch der Literaturwissenschaft. Potsdam: Athenaion, 1923. 180 p.